

Ирина Ракова
Реальность пополам

Ирина Ракова

Реальность пополам

«Издательские решения»

Ракова И.

Реальность пополам / И. Ракова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908610-5

Шестнадцатилетняя Катя, жительница небольшого городка, сталкивается с необыкновенными способностями: одного её желания порой достаточно, чтобы изменить реальность. Оказывается, правда, что никакие это не способности, а первые признаки надвигающихся проблем...

ISBN 978-5-44-908610-5

© Ракова И.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Реальность пополам

Ирина Ракова

© Ирина Ракова, 2018

ISBN 978-5-4490-8610-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

Глава 1

– Жанна, – цедит сквозь зубы брат, плюхаясь рядом со мной на диванчик. – Ненавижу её.
– Что на этот раз? – сочувственно спрашиваю я, откладывая книжку.

Встречаюсь с ним глазами – в его, обычно тёплых и карих, сейчас полыхает костёр. Мои – не такие. Серые, спокойные и скучные, как холодная стоячая вода.

– Плохо пол помыл, ты понимаешь? Где-то там в углу её чёртовы волосины остались, а у неё ещё совести хватает нос свой корявый брезгливо морщить, и говорить, что это твои! Как будто не видно разницы – моя сестра не какая-нибудь безмозглая блондинка!

Вздыхаю, откидываясь к стене и привычно стучаясь затылком о прохладную эмаль спинки кровати. Думаю, Жанна была серьёзна, предъявляя обвинение – волосы у нас с ней примерно одинаковой длины, а зрение у неё плохое.

– А потом она стояла надо мной с калькулятором и считала, – продолжает Руслан, – сколько она бы заплатила уборщице за такую паршивую работу, и сколько ей обходится прокормить нас и одеть!

Слова у него заканчиваются, а эмоции всё ещё распирают, поэтому он просто утыкается лицом в ладони и рычит. Машинально протягиваю руку, чтобы запустить пальцы в его волосы и слегка потрепать их фирменным успокаивающим жестом «старшая сестра». А старше я на год и четыре месяца, и этот нервный паренёк – мой лучший и единственный друг. Единственный – с тех пор, как умерла мама.

– Давай сбежим, – говорю бесцветным голосом. – Прибьёмся в какой-нибудь детдом. Может, там будет лучше, как считаешь? Осталось-то чуть больше двух лет потерпеть. А потом я найду работу и оформлю опеку над тобой.

Я произношу это очень тихо, почти шёпотом, но всё сжимается внутри при мысли о том, что бы с нами сделала Жанна, если бы вдруг услышала.

Он недоверчиво смотрит на меня. Мы только что поменялись ролями – обычно это он подговаривает меня совершить какой-нибудь опрометчивый поступок, а я холодным разумным тоном успокаиваю его и отговариваю от безумной идеи.

– Ты так шутишь, да, Кать?

Дверь распахивается, и мы подпрыгиваем, хватаясь за руки и перепуганно глядя на Жанну. Нет, конечно, она не могла слышать последнюю мою фразу, даже если бы подслушивала у двери.

– Ужин, – презрительным тоном говорит эта женщина, постукивая ногтем по циферблату наручных часов, резко разворачивается и уходит, закрыв за собой дверь.

– Она же не... – выдавливает из себя Руслан.

– Нет, – отвечаю твёрдо. – Просто мы опаздываем на ужин аж на три минуты. Какое свинство с нашей стороны!

Она мамина двоюродная племянница. До того, как мама ушла, мы её и видели-то всего несколько раз, на семейных торжествах. И ни разу у меня не возникало к ней приязни – холодная, высокомерная, всегда стояла поодаль от толпы доброжелательных родственников и смотрела на всех с презрением.

Однако же, когда пришло время, лишь она одна из всей этой добродушной толпы согласилась взять нас к себе. Мы с братом довольно быстро сошлись во мнениях, зачем она это сделала: очень удобно, должно быть, такой, как она, иметь под рукой кого-то, на кого можно изливать свою желчь.

– Мы сделаем это, – шепчу брату на ухо прежде, чем последовать за ней. – Скоро.

Стол уже накрыт по всем правилам, словно Жанна ужинает не с двумя ненавистными ей приёмными, а ждёт в гости как минимум директора крупной компании. К пище и посуде она нас не подпускает – готовка для неё святое, нам остаётся чёрная работа вроде стирки, глажки, уборки.

Первое, второе, салат, десерт. Белая скатерть, голубые салфетки. Сияющие столовые приборы, ножи и ложки справа, вилки слева. Твёрдые деревянные стулья с высокой прямой спинкой. Сутулиться нельзя. И тишина. Разговаривать за едой тоже нельзя.

Я боюсь поднимать глаза, словно Жанна может случайно прочесть в них мои намерения. Боюсь за брата – не нужно было ему пока говорить, у него всегда всё как маркером на лбу написано. И посмотреть на него не могу, тоже боюсь – вдруг она сочтёт это заговорщическим жестом.

Впиваюсь зубами в нежное мясо, словно стараясь загрызть свой страх. Это действительно очень вкусно. У мамы никогда не получалось так готовить. И денег постоянно не хватало – ни на еду, ни на одежду. С Жанной у нас деньги на карманные расходы есть всегда, мы носим хорошие дорогие вещи и едим мясо трижды в день – один такой ужин стоит столько, сколько раньше нам хватило бы на пару недель. Зато тогда у нас были разговоры и смех за столом, дни без презрительных взглядов и попреков по каждой мелочи, и ощущение того, что всё, что у нас есть – наше.

И мама... Дыхание перехватывает, я на секунду забываюсь, и из памяти тут же вырывается наружу родной образ, встаёт перед глазами.

МАМА!

Позволив себе мысленно, с отчаянием выкрикнуть это слово, тут же усилием воли беру себя в руки и обнаруживаю, что бессовестно смотрю прямо в глаза Жанне. В них странное выражение. Затем происходит что-то необъяснимое.

Всё кругом идёт волнами, и сама Жанна – рябью, словно помехи в телевизоре. Это длится буквально мгновение, потом проходит.

Она хмурится – если бы не правило молчать за едой, думаю, с меня бы сейчас грозно спросили за наглый взгляд. Поспешно утыкаюсь глазами в тарелку, но не выдерживаю и кошусь на Руслана – тот тоже смотрит на бифштекс, но выглядит совершенно нормально.

И что это было?

– Екатерина, зайди ко мне в комнату через полчаса, – приказывает Жанна сразу после ужина.

– Одна? – неуверенно оглядываюсь на брата – нагоняи мы обычно получаем вместе, даже если виноват только один из нас.

– Одна, – подтверждает она.

Мы топаем вверх, пока наша опекунша моет свою драгоценную посуду, и Руслан толкает меня локтем в бок.

– Она всё-таки слышала, да? – жалобно спрашивает он меня.

– Вряд ли, – меня сейчас волнует не это. – Ты... ничего странного не заметил во время ужина?

– Эээ... Странного? Я заметил Жанну. Мне кажется, это странно – в тридцать два года, с таким домом и кулинарными способностями – и не замужем. Наверное, поэтому она и злая такая.

– Она и в двадцать два такой была, – отмахиваюсь я. – Так что это скорее причина, а не следствие. Нет, серьёзно?

– Серьёзно? Нет, вроде. Но ты же знаешь, я не сильно наблюдательный. А ты что заметила?

Отвожу глаза. У меня обычно нет секретов от брата – он всегда в курсе моих месячных, предпочтений по поводу мальчиков в школе, мелких девчачьих проблем вроде выбора косметики или бритья ног и прочего.

– Нет, ничего, просто показалось.

И сейчас я, пожалуй, в первый раз что-то от него скрываю. И Руслан, конечно, понимает это. Почему я так поступаю? Точно сказать не могу, что за муха меня укусила.

Необходимость делать уроки избавляет нас на время от возникшей неловкости, и мы утыкаемся в учебники и тетрадки, молча, каждый в своём углу.

– Тебе пора, – ровным голосом говорит Руслан через какое-то время.

– Что? – поднимаю голову, выдернутая не столько из алгебры, сколько из собственных размышлений.

– Полчаса прошло, – он кивает на часы на стене.

– Чёрт, точно, – подсакиваю. – Что бы я без тебя делала!

Не хватало ещё опоздать – она этого терпеть не может.

– Входи.

Жанна стоит посреди комнаты, глядя на меня. Интересно, давно она так стоит, поджидая?

У неё светло-русые прямые волосы ниже плеч, голубовато-серые маленькие глазки, острые и холодные, под стать её характеру, тяжёлый нос с горбинкой и тонкие губы. Хотя губы, может быть, и нормальные – просто я ни разу не видела их неподжатыми.

Аккуратно прикрываю дверь и, собрав всё своё мужество, встаю напротив неё, глядя прямо в глаза.

Несколько секунд она молчит и не двигается. Затем начинает говорить – с места в карьер, как обычно.

– Тебе скоро шестнадцать. Я решила, что ты уже достаточно взрослая, чтобы начать работать.

«Ты решила?» – хочется мне крикнуть. – «Да кто тебе дал право решать за меня?»

Вместо этого молчу и вежливо улыбаюсь. Если она пытается вывести меня из себя, то не дождётся. В конце концов, может здесь она и права, учитывая, что мы с братом сидим у неё на шее.

– У моих знакомых есть кафе неподалёку, – не дождавшись моего ответа, она отворачивается к окну – её руки сцеплены за спиной. – Они согласны взять тебя официанткой.

Киваю спине Жанны, потом, сообразив, что она меня не видит, и что неприлично уже так долго хранить молчание, выдавливаю: «Хорошо». Если она успела договориться с кем-то, значит, не произошло за ужином тому виной.

Она поворачивается ко мне боком, её некрасивый профиль выделяется на фоне вечернего неба:

– Надеюсь, ты не думаешь, что это тебя освобождает от обязанностей по дому?

Конечно, не думаю. Это было бы слишком великодушно для Жанны. Но при мысли о том, что мне придётся после школы бежать на работу – сколько там смена у официантов, часа четыре? – потом домой, прибираться, стирать, гладить – мне становится не по себе. Руслан охотно помог бы мне, да Жанна не Жанна, если не проследит, чтобы этого не случилось.

– Что-то не так? – вопрошает опекунша, вглядываясь в моё лицо; в глазах у неё насмешка. – Мне показалось, у тебя появилось слишком много свободного времени, раз ты начала заниматься ерундой.

Я старательно делаю вид, что не понимаю. Значит, всё-таки слышала – или она о чём-то другом?

Глава 2

– Катя, ну нельзя бить посетителей! – Рита на секунду закрывает лицо рукой, затем убирает её и придвигается ко мне, глядя в глаза. – Тем более важных шишек.

– Он схватил меня за... пятую точку! – возмущаюсь я.

Администратор смотрит на меня долгим взглядом, потом вздыхает и начинает объяснять, как ребёнку:

– Он был пьян – это раз. Ты красивая молодая девушка – это два. Он богат и чувствует себя хозяином этой жизни, а ты официантка, его прислуга – это три. Знаешь, что в такой ситуации делают наши девочки? Хихикают и убегают. Он же тебе не ноги раздвинул, правда? Ты в автобусе в час пик когда-нибудь ездила? Тоже всем, кто до тебя дотронется, пощёчины раздавала?

Молчу, насупившись и глядя на резную дощечку на стене. На ней искусно вырезан пейзаж: речка, раскидистые деревья по берегам, несколько домиков вдали. Листья деревьев выложены янтарной крошкой.

– Сегодня твой первый день, так что пока ты отделяешься предупреждением, – машет на меня рукой Рита. – Но ещё раз что-нибудь подобное произойдёт – и ты отправляешься на кухню мыть посуду. У меня всё. Свободна.

Киваю, буркаю «до свидания» и пулей вылетаю из её кабинета. Пятнадцать минут седьмого.

У моего шкафчика, прислонившись спиной, стоит другой официант, Паша, высокий смуглый парень – он уже давно переоделся, меня ждёт, должно быть.

– Ну как? – спрашивает он. – Сильно влетело? Не уволили?

Мотаю головой, пока вожусь с замком. Это он вовремя оттащил меня от того... нехорошего человека, не дав устроить скандал, и извинился со смехом. А потом оставшиеся два часа ободряюще улыбался каждый раз, как проходил мимо, и похлопывал по плечу, если руки были свободны.

– Тебе в какую сторону?

Поднимаю на него глаза.

– Ты не думай, я не пристаю, – Паша выставляет руки в комическом жесте, словно защищаясь от пощёчины. – Просто вдруг тебе скучно одной идти.

– Не, нормально, – выпаливаю поспешно, и тут же краснею. – Прости. Спасибо за... в общем, спасибо.

– Не за что. Ну, до завтра.

Паша с некоторым разочарованием машет рукой и шагает к выходу, а я на пару секунд зависаю, глядя вслед. Интересно, сколько ему лет? На вид – около восемнадцати.

Опомнившись, хватаю одежду и бегу в раздевалку, а после выскакиваю из кафе и почти бегом несусь к дому Жанны, суетливо высматривая по сторонам фигуру Паши – было бы неловко обнаружить, что нам с ним всё-таки по пути.

Быстрым шагом дорога займёт около пятнадцати минут, которые мне кажутся непозволительно тратой времени. Мимо проезжает девушка на велосипеде с рюкзаком на спине. Дорога идёт с еле заметным уклоном, и она даже не крутит педали, лишь направляя руль в нужную сторону, чтобы объехать пешеходов. Шины мягко шуршат по асфальту. Я заглядываюсь на неё.

Возможно, было бы разумным сказать Жанне, что мне нужен велосипед – она мигом купит. Если у неё, конечно, нет цели заставить меня бегать туда-сюда с высунутым языком, что вполне вероятно. Я, правда, не умею ездить... Но почему бы и не научиться – глядя на ту девушку, это занятие не представляется таким уж трудным...

И тут приходит осознание, что я планирую на много дней вперёд, как буду носиться в новом ритме из школы на работу и домой, с велосипедом или без, и совсем забыла про намерение сбежать, так чётко обозначившееся вчера в моей голове!

Останавливаюсь как вкопанная посреди тротуара, и в меня сзади чуть не врежется пожилая женщина с объёмистым пакетом.

– Извините, – бормочу, отхожу к высокому бордюру и усаживаюсь на него.

Велосипед? К чёрту. Мы сделаем это сегодня. Мы уйдём от Жанны.

– Ты долго, – произносит она, красноречиво указывая кивком головы на часы.

Без пяти семь.

– Пришлось задержаться на работе, – равнодушно бросаю по пути в ванную.

Вымыв руки, сразу же отправляюсь за стол. Обычно к этому времени я уже успевала переделать всю работу по дому и даже начать уроки. Сегодня придётся поздно лечь спать – а жаль, не мешало бы хоть чуть-чуть выспаться перед тем, что я задумала.

За ужином мы, как обычно молча, уминаем луковый суп и тефтели с грибами. Расправившись с фруктовым салатом и чаем, привычно составляю свою посуду на мойку и поднимаюсь наверх, забежав предварительно в ванную за охапкой полезностей: две тряпки для пыли, пушистая щётка, три вида чистящих средств, два ведра для воды, швабра, щётка для окон.

Я надраиваю стекло на лестничной площадке, когда наверх поднимается Руслан, бросает на меня виновато-сочувственный взгляд и идёт к себе в комнату. Видимо, Жанна уже потолковала с ним.

На часах половина десятого, когда я наконец заканчиваю. Падаю на свою кровать и обречённо смотрю на стопку книг и тетрадей. Потом до меня доходит, что они мне не понадобятся, если всё удастся. А не удастся – никакие взбучки от учителей не сравнятся с разгневанной Жанной.

Брат легонько скребётся в дверь и проскальзывает в комнату.

– Сегодня в три часа ночи сваливаем, – шепчу ему. – Рюкзак заранее собери, только не шуми.

Он почему-то смотрит на окно. Усмехаюсь.

– Да через дверь уходим, чудик. Я знаю, как новая сигнализация отключается. Я уже это делала.

Отводит взгляд. У меня внутри разливается нехорошее чувство.

– Ты чего?

– Я боюсь, Кать. Если... если вдруг не получится...

– То что? Что будет?

– Ну, ты же знаешь Жанну...

– Руслан, – пытаюсь взять себя в руки и говорить спокойно и рассудительно. – Если у нас не получится, Жанна взбесится, будет на нас орать, оставит без еды на три дня, в самом худшем случае – поднимет на нас руку. Это что, сильно отличается от того, как мы каждый день здесь живём? Если будет совсем плохо, можно настучать в органы опеки, сказать, что... ну, наврать что-нибудь. А теперь представь, что мы просто останемся, и так будет всегда – по крайней мере, до тех пор, пока мы не будем в состоянии сами себя обеспечивать. Что выбираешь?

– Не знаю, – мнётся брат. – Наверное, ты права.

Но по его глазам-то видно, что он так не думает. Поэтому я решаюсь на крайние и, на мой взгляд, довольно подлые, меры.

– Ну, если ты не хочешь, – вздыхаю, – то, наверное, лучше не сто́ит. Забей. Ложись спать.

Он, наконец, смотрит мне прямо в глаза. Без улыбки. Какой он у меня, всё-таки, умный мальчишка. Всё понял. И мою куцую хитрость, и мои угрызения совести по этому поводу. И моё отчаяние.

– Ровно в три? – тихо спрашивает он.

– Я приду к тебе в комнату, – тянусь к нему, чтобы обнять. – Как же я тебя люблю.

Глава 3

– Вот и всё, – шепчу, когда приборчик на стене у входной двери тихо пикает.

Медленно, с облегчением выдыхаю. Боялась, что Жанна накануне изменила код, который я подглядела несколько дней назад – она совсем и не старалась его утаить от меня. Помнится, она сама как-то утром нечаянно ткнула не ту цифру – сигнализация зашлась ушераздирающим звоном.

Руслан не отвечает, только одобрительно сжимает моё плечо и очень аккуратно приотворяет дверь, чтобы пропустить меня вперёд, навстречу благоухающему свободой свежему ночному воздуху.

Послушно делаю шаг вперёд, но тут же замираю на месте. Сердце делает опасный кувырок.

Снова эта рябь!

Всё вокруг на мгновение вздрагивает, теряя реалистичность очертаний, превращаясь из привычного, объёмного и осязаемого мира в плоскую картинку.

– Ты чего? – брат смотрит на меня круглыми глазами, а я, как дура, стою в дверях на пороге нашего побега.

Шёпотом чертыхаюсь и решительно проскальзываю в дверь – и так уже потеряны драгоценные секунды, нет нужды тянуть дальше. Пытаюсь придержать дверь, когда та закрывается – но дрожащие пальцы промахиваются и дверь захлопывается со смачным стуком.

Мы застываем, прижавшись к стене – окно её спальни прямо над нами. Но она нас не увидит под дверным козырьком, даже если выглянет.

Всё тихо. С облегчением вдыхаю ночной воздух с легким запахом дыма, киваю Руслану, и мы начинаем двигаться вдоль стены к другому крылу дома – опять же, подальше от окна спальни. Проходим прямо под камерой, и я с трудом отказываю себе в удовольствии показать неприличный жест – наверняка Жанна будет просматривать запись после того, как обнаружит наш побег.

Краем глаза замечаю резкое движение со стороны брата, и первой приходит мысль, что он от этого жеста всё-таки не удержался. Но Руслан лишь пытается привлечь моё внимание. Тыкает меня пальцем в бок и с потрясающим отчаянием на лице указывает назад, на входную дверь.

Дверь дымится.

Искрит проводок, ведущий к домофону. Должно быть, его каким-то образом пережало, когда закрывалась дверь.

Гаснут лампы по периметру дома – выбило пробки. Что ж, нам это только на руку. Пожимаю плечами и иду дальше.

Руслан снова дёргает меня за рукав. Нетерпеливо разворачиваюсь – чего он так распереживался?

Мне плохо видно его лицо, во-первых, потому что темно, а во-вторых... его волосы подсвечены сзади бликами от пламени, которое охватило козырёк над дверью!

У меня отвисает челюсть. Как, чёрт побери? Со всеми этими Жаннинными примочками безопасности, пожароустойчивыми стройматериалами, умной электроникой – как такое возможно? Но козырёк горит весело и ярко. Похоже, строители Жанну надули.

Я знаю, почему у брата такое выражение на лице. Мысленно вижу, как пламя растёт всё выше, выше, как загорается противомоскитная сетка в открытом окне, как огонь перекидывается на тяжёлые бархатные шторы.

– Сейчас сработает сигнализация, – шепчу. – Приедут пожарные.

– Они не успеют, – почти стонет Руслан.

– Ну и чёрт с ней, – отрезаю я и снова разворачиваюсь. – Мы неблагодарные сволочи, забыл?

Но не двигаюсь с места.

Потому что за спиной слышатся торопливые шаги, а мгновением позже – прорезающий тишину крик брата: «ЖАННА!»

Снова чертыхаюсь. Телефонов у нас с собой, конечно, нет. Я прекрасно знаю, как легко отследить активную симку.

– Беги лучше к соседям. Буди, кричи «пожар», – говорю брату в полный голос, и тоже начинаю орать: – ЖАННА!

Неподалёку заходится лаем собака. Подбегаю ближе к окну, мысли как сумасшедшие роятся в голове.

– ЖАННА, ПРОСНИСЬ! ЖАННА! ПОЖАР!

Мои крики смешиваются с воплями очнувшейся сигнализации. Дым и нагрузка на головные связки провоцируют кашель. Где-то рядом слышны крики Руслана. Краем глаза вижу, как зажигается свет в окнах соседей. Хорошо.

– ЖАННА!

Дверь! Изнутри она закрывается на замок—здвижку, но его мы открыли, когда выходили, а магнитный замок не работает без электричества. Как я раньше не додумалась!

Влетаю в дом, хватаю с вешалки первое, что попало под руку – один из её шёлковых платков, кажется, судорожно мочу его под краном на кухне. Изысканная ткань очень плохо смачивается. С внутренней болью трачу на это несколько драгоценных секунд. Затем стремглав несусь наверх, прижимая платок к лицу, молясь, что у Жанны нет привычки закрывать дверь на ночь изнутри.

Комната уже наполнена дымом, и я на мгновение теряюсь, не понимая, где искать опекуншу. Потом вспоминаю, в какой стороне кровать.

Сквозь пелену дыма моим глазам предстаёт картина, которая в любой другой ситуации показалась бы забавной: всегда такая строгая, прилизанная Жанна сидит на кровати совершенно растрёпанная, ненакрашенная, и к тому же с заспанным и отчаянно-перепуганным выражением лица.

Не раздумывая, хватаю её за руку и тащу вон из комнаты. Сначала она словно бы сопротивляется, но потом идёт покорно, спотыкаясь об порог.

Уже на улице наклоняется, и её рвёт на газон. Тоже чувствую позывы, но сдерживаюсь, судорожно глотая ночной воздух и во все глаза глядя на полыхающий дом. Руслан подбегает и крепко меня обнимает. Скорей осезаю, чем слышу его сдерживаемые всхлипы. Кто-то из соседей накидывает тёплый махровый халат на плечи Жанне, и, зачем-то, куртку на меня – хотя я и так тепло одета. Видимо, своеобразный жест сострадания.

И совсем уже не удивляюсь, снова ощущая дрожь мироздания, когда наши с ней глаза, наконец, встречаются.

Глава 4

– Прости, – выпаливаю, едва открыв дверь. – Непредвиденные обстоятельства... Давно ждёшь?

Паша неопределённо мотает головой, улыбается, как всегда, и, протянув руку, легонько проводит большим пальцем по моей щеке. Я чувствую, как всё тело будто током пронзает и прикрываю глаза на мгновение, но тут же с ужасом кошусь на окна над нами – не дай бог, увидит Жанна, или, что ещё хуже, – Руслан.

– Поехали уже, – бормочу, неловко залезая на велосипед.

Да, я всё-таки его купила.

Опекунша лишь отмахнулась, когда я принесла свою первую зарплату. Я настойчиво протянула ей деньги, намекнув, что это хоть частичная компенсация за то, что мы «сидим у неё на шее». Она ухмыльнулась насмешливо и заявила, что такие копейки погоды не сделают.

Это было обидно. Со злости пошла и на все деньги купила велосипед – не самый дорогой, конечно, но неплохой.

Однако ездить на нём оказалось не так просто, как мне думалось. Бросила бы вообще эту затею, если бы не Паша. Он тут же раздобыл где-то у знакомых старенький, советский еще, велосипед, и делает теперь каждый день большой крюк, чтобы проводить меня на работу – и ещё один крюк обратно, с работы. Помогает советами, поднимает с земли после падений, заклеивает пластырем ободранные об асфальт колени и локти.

– Катя! – слышится крик сзади, стоило мне отъехать от дома метров на двадцать. – Ты рюкзак забыла!

От неожиданности пытаюсь развернуться прямо на ходу, и неотвратимо заваливаюсь на бок. Меня подхватывает Паша, бдително ехавший чуть позади. Падаёт сам, проезжаясь коленом по асфальту, но всё же смягчает моё падение. Добродушно смеётся, сжимая меня в объятиях, из которых я сразу же высвобождаюсь и спешу – пешком – к крыльцу, чтобы взять сумку из рук брата.

Руслан отводит глаза. Мы перестали быть лучшими друзьями.

Я ему никогда не говорила про Пашу. Он видит сам, прекрасно видит, что происходит между нами двумя – но я ни разу не обсуждала это с ним, с моим самым близким человеком, от которого у меня раньше не было секретов.

И причина даже не в этом.

Стена между нами была воздвигнута в ночь пожара. Никогда не забуду его взгляда, когда мы, вымотанные, уже под утро поднялись на второй этаж пропахшего гарью дома, чтобы попробовать уснуть – Жанна осталась спать внизу, на диване.

– И ты бы ушла? – судорожным шепотом спросил он меня, впившись в лицо глазами; его брови сжались, образовав тугий валик над переносицей. – Ты бы бросила её умирать, и ушла бы?

Не дожидаясь ответа, он скрылся в своей комнате, хлопнув дверью, оставив меня со следом в душе, как от пощёчины, и текущими по щекам горячими дорожками слёз.

И теперь каждый раз, как он смотрит мне в лицо, даже если он тепло улыбается в своей обычной манере, вижу в его глазах упрёк: ты бы ушла... я верил тебе, я восхищался тобой, я следовал за тобой... а ты бы ушла!

– Всё нормально? – скидываю голову, чтобы наткнуться на внимательный Пашин взгляд.

– Да, – выдавливаю из себя самую искреннюю улыбку, на которую сейчас способна. – Просто задумалась.

– Прости, – говорит он после небольшой паузы.

– За что?

– Не надо было тебя так... эээ... щупать. Я не специально. Просто так получилось. Я не собирался, правда.

Удивлённо смотрю на него несколько секунд, забыв следить за дорогой, затем начинаю смеяться.

– Забудь, – говорю ему, отсмеявшись. – Я не о том задумалась.

– О Руслане?

Я и не подозревала, что он всё понял. Но обсуждать с ним своего брата не хочу, словно не желая усугублять своё предательство, не желая добавлять лишний кирпичик в воздвигнутую стену.

С того пожара прошло два месяца. Или Жанна умудрилась в суматохе не заметить нашу попытку бегства, или из благодарности за спасение закрыла на неё глаза – в любом случае, нам это сошло с рук. Причина пожара была списана на бракованный домофон. Жанна как-то обмолвилась, что можно было бы и в суд подать на компанию, но делать этого не стала. Что, кстати, странно с её стороны. Нам бы в случае расследования не поздоровилось – следователи, конечно, стали бы просматривать записи с камеры видеонаблюдения.

Прошло два месяца, наступили каникулы, и работы у меня теперь на полный день. А вот у Руслана появилось свободное время, и он может позволить себе заскочить в наше кафе время от времени. Говорит, что ему нравятся наши пирожные (страшный сладкоежка). А мне кажется, что несмотря ни на какие стены, он просто понимает, как сестре приятно бывает видеть его кареглазую рожицу.

– Ещё вот это не пробовал, – заявляет Руслан, тыкая пальцем в меню. – Хотя, не люблю кофейные. Хотя, надо попробовать.

Я так рада ему – не думала, что он придёт сегодня, после утренней-то сцены.

– Окей. Чай?

– Да, девушка. И побыстрей, я тороплюсь.

Чуть было не отвешиваю подзатыльник нахалу, но, вовремя сообразив, что мне не избежать долгих объяснений, если Рита увидит, просто состраиваю грозную мину и ретируюсь на кухню. По пути улыбаюсь мысли, что люблю эти моменты, когда кажется, что между мной и братом всё по-прежнему.

До кухни не дохожу – застываю в коридорчике, потому что снова, после двухмесячного перерыва, чувствую знакомую рябь в воздухе. Анализируя прошлый опыт, понимаю, что сейчас что-то произойдёт, и начинаю дрожать.

– Ты чего? – Паша с подносом, вышедший из кухни мне навстречу, тоже останавливается, насторожённо вглядываясь в моё лицо – наверное, побледнела.

– Плохое предчувствие, – признаюсь дрожащим голосом и бросаюсь обратно в зал.

Останавливаюсь на пороге, судорожно обегая глазами столики и немногочисленных посетителей за ними. Руслан в одиночестве ожидает свой заказ, задумчиво глядя в окно. Коротает время молодая семейная пара с ребёнком лет пяти: девочка со смешными хвостиками оживлённо что-то рассказывает вполуха слушающим, воткнувшимся в свои смартфоны родителям. Трое парней, на вид – студенты, молча ждут, пока Паша переставляет еду с разноса им на стол. Может, они? Выглядят подозрительно.

На плечо мягко опускается ладонь вернувшегося Паши – не оборачиваюсь, продолжая следить за посетителями. Замечаю, как мимо окон проезжает знакомый фургончик – продукты привезли, надо идти к служебному входу, помогать разгружать. Кидаю последний взгляд на зал, пожимаю плечами на вопрос в глазах Паши и иду обратно на кухню.

– Ты себя нормально чувствуешь? – осторожно спрашивает он.

Нервно хихикаю.

– Имеешь в виду, всё ли у меня нормально с психикой? Нет, не всё. Я – псих.

– Никто и не сомневался, – встречается в разговор повар Никита, мимо которого мы как раз проходим – я не потрудились понизить голос. – Нормальный человек не станет избивать посетителей в первый же день. Подождёт, пока хотя бы испытательный срок закончится.

Кисло улыбаюсь. Шуточки на эту тему уже приелись, но ещё не иссякли.

– Ребята, кто свободен – принимаем товар, – Рита высовывается из-за двери.

Паша и Марина, наша новенькая кухработница, идут на зов. Я не свободна. У меня заказ – беру разнос, чистую тарелочку, щипцами достаю пирожное, затем тянусь за кружкой, и тут раздаётся резкий хлопок и несколько вскриков со стороны служебного входа.

Холодея, бросаюсь было к двери, но оттуда уже спотыкаясь, выдвигается нелепое существо с путаницей рук и ног. Отбросив абсурдное первое впечатление, осознаю, что передняя часть существа – это Рита с перепуганным выражением лица, а сзади, захватив девушке локтём шею и приставив к голове пистолет, толкает её, заставляя идти вперёд, мужчина, лица которого не видно.

Не видно, потому что оно закрыто до шеи чёрной шапкой с прорезями для глаз и рта.

Мой тормознутый мозг, вместо того, чтобы решать, что делать, изо всех сил пытается вспомнить, как такая штука называется – слово вертится на языке, но никак не всплывёт на поверхность сознания. Я неподвижно, словно замороженно, смотрю, как существо, преодолев наконец дверной проём, движется вдоль стены, а потом вдоль рабочей поверхности и кухонной техники к коридору.

– Только рыпнитесь, – хриплым голосом предупреждает нас с Никитой мужчина. – И вам придётся здесь всё отчищать от её мозгов.

На нём знакомая сине-зелёная форма фирмы доставки, что всегда привозит нам продукты. Но мы прекрасно знаем парнишек-экспедиторов, которые с нами работают – и этот не один из них.

Слежу, как они перемещаются в коридор, ведущий к двери администраторской, как Рита дрожащими руками пытается открыть ключом замок, когда краем глаза замечаю – Никита вздрагивает. Поворачиваю голову – и вижу в дверях Марину с понятыми руками, дрожащими так сильно, что почти слышно, как они дрожат, а за ней – второго парня, в такой же форме и такой же маске. Одной рукой он указывает пистолетом Марине в спину, другой – за руку волочит по полу чьё-то неподвижное тело.

Всё внутри обрывается.

Его лицо залито кровью.

Грабитель что-то говорит, мне слышно каждое слово, но нужны огромные усилия и секунд двадцать, чтобы вникнуть в смысл сказанного.

– Живой... сопротивлялся, пришлось приложить хорошенько по затылку.

Перевожу взгляд на первого вторженца – тот неодобрительно качает головой в маске.

Рита, наконец, выигрывает свою битву с замочной скважиной. Дверь администраторской распахивается, мужчина грубо толкает хозяйку внутрь – наверное, в дальний конец комнаты, где стоит шкаф с сейфом. Сегодня вечером должны были выдать всем зарплату, там же и деньги на продукты, которые мы ждали на этом самом фургоне.

Второй швыряет Пашино тело на середину кухни и становится в дверях, держа оружие наготове. Марина осторожно подбирается к Никите и судорожно вцепляется в его рукав.

Я, так же с поднятыми руками, очень медленно приседаю на корточки, и подползаю к Паше, не отводя взгляда от грабителя. Он тоже пристально смотрит на меня, но ничего не говорит и никак не показывает, что он против.

Дышит... видно, как вздымается и опускается его грудь. Осторожно снимаю фартук, стараясь не делать резких движений, одним глазом следя за грабителем, промакиваю тканью свежую кровь на лице. Теперь я вижу, откуда она идёт – из неаккуратной раны в волосах над ухом. Зажимаю рану и снова поднимаю глаза на мужчину в маске.

– Можно взять аптечку в шкафу?

Мимолётом удивляюсь звуку собственного голоса – хриплому, глухому. Вообще, если подумать, в ушах сильно шумит.

– Нельзя, – резко отвечает тот. – Знаю я ваши аптечки.

Киваю и просто жду. Одной рукой по-прежнему прижимая фартук к голове Паши, второй беру его за руку.

Его пальцы сжимают мои. Он в сознании. Почему притворяется?

Должно быть, времени проходит совсем немного, но тянется оно бесконечно. Вздрагиваю от неожиданности, когда, в конце концов, те двое появляются в коридоре – Рита так же на прицеле, за плечом у мужчины – чёрный пакет с длинными ручками.

Паша лежит у них на пути в тесном проходе кухоньки. Молюсь, чтобы Рита немного взяла себя в руки и посмотрела под ноги, но она и так аккуратно перешагивает через распластанного сотрудника. Зато грабитель спотыкается о ногу парня, и, грубо выругавшись, останавливается.

– Какого ты его сюда бросил? – обращается он к товарищу. – Я чуть на курок, мать его, не нажал!

Свободной рукой он отталкивает Риту к Никите и Марине, ставит пистолет на предохранитель, заталкивает его в карман и, бросив второму: «Прикрой меня!», тоже перешагивает через Пашу.

Дальше всё происходит за несколько секунд.

Паша быстро, но плавно поднимается и выхватывает из кармана мужчины пистолет. Раздаётся щелчок предохранителя.

– Сзади! – орёт второй, но выстрелить не может – его товарищ полностью заслоняет ему Пашу.

Тот, что остался без пистолета, соображает быстро и отскакивает в сторону, Паша стреляет (как он решился?!), я кричу, кто-то ещё кричит, пуля попадает в дверной косяк.

Я ВИЖУ В ГЛУБИНЕ ДВЕРНОГО ПРОЁМА ЖАННУ.

Пространство дрожит и гудит.

Пистолет в руках преступника направлен на Пашу, но прежде, чем он успевает нажать на курок, Никита одним движением перемахивает через рабочую стойку и впечатывает кулак ему в висок. Ещё один выстрел – пуля улетела в сторону коридора.

Я не вижу Марину и Риту – наверное, спрятались за стойку.

Я больше не вижу Жанну.

Топот ног в коридоре – лица Руслана и двух парней с соседнего столика.

– Вызывайте ментов, – орёт Никита. Он держится за живот.

Паша тяжело дышит, всё так же сидя на полу. Он держит на прицеле грабителя у двери, но пистолет того тоже направлен Паше в лицо.

– Уходим, – бросает мужчина с рюкзаком.

Паша сжимает зубы. Он хочет выстрелить. Но тогда...

– Нет, – Никита растопыривает ладонь в его сторону. – Не надо, Паш...

Двое грабителей, пятась, исчезают в дверном проёме, – я до последней секунды стараюсь разглядеть там Жанну, – и захлопывают за собой дверь.

Рита выскакивает из-за стойки и бросается к окну.

– Вишнёвый «Пассат», без номеров, – сообщает она.

– Вызвали полицию и скорую, – говорит над ухом голос брата.

– Ты болван, – налетает Рита на сидящего на полу Пашу. – Ты что творил? Он тебя чуть не убил! Если бы не Никита... Лёг, быстро! Белый весь!

Она проворно подсовывает ему под голову охапку белоснежных полотенец, выхватывает аптечку из шкафа, бросает мне, и уносится дальше, к Никите, с виноватым видом массирующему солнечное сплетение, к рыдающей у духового шкафа Марине.

- Балаклава, – говорю, щедро обрабатывая перекисью голову раненного. Руслан и Паша одновременно и одинаково недоумённо смотрят на меня.
- Что – балаклава? – спрашивает брат.
- Эти штуки у них на голове так называются. Всё никак вспомнить не могла.
- Хочешь сказать, ты всё это время сидела и вспоминала, как они называются? – слабым голосом спрашивает Паша. – С того самого момента, как увидела первого из них?
- Киваю, сама удивляясь, что так и было.
- Они переглядываются. Брат хохочет во весь голос. Паша – беззвучно, закрыв глаза.

Глава 5

– Спасибо тебе огромное, – говорит Пашина мама, заключая в объятия Никиту. – Если бы не ты... Кто знает...

Это худая, очень болезненного вида женщина с огромными кругами под глазами. Она выглядит лет на шестьдесят – но, разумеется, ей не может быть столько. Я вижу её в первый раз – Паша не любит даже говорить о своей семье, и уж конечно, ни разу меня с ними не знакомил. Всё, что знаю – он живёт с матерью и отчимом, а его отец – в другом городе. Теперь, внезапно, понимаю – это одна из тех самых «неблагополучных» семей. Даже сейчас, на расстоянии, чувствуется лёгкий запах перегара в воздухе, окружающий эту женщину.

Мы с Никитой пришли навестить Пашу в больницу, куда его положили с черепно-мозговой травмой, но нам пришлось подождать – в палату не пускают больше двух посетителей.

Он широко улыбается нам с больничной койки в дальнем конце палаты, той, что у окна. Мы плюхаемся на свободную кровать рядом, Никита со знанием дела принимается рассовывать по ящикам тумбочки гостинцы.

Безумно хочется поприветствовать Пашу как-то иначе, чем просто «Привет!», но я не уверена, что готова потом каждый день терпеть шуточки Никиты.

Так что просто молчу и улыбаюсь, слушая, как он отвечает на вопросы товарища.

– Просто сотрясение, синяков на мозге нет, так что через неделю должны выписать, – беззаботно вещает Паша. – Вы там как? Марина успокоилась? Что менты сказали? У Риты сильная истерика?

Мы с Никитой переглядываемся и по очереди принимаемся рассказывать. Сегодня кафе было закрыто, мы весь день общались с полицией. К счастью, у нас остался тот самый пистолет, что Паша забрал у одного из грабителей, ценная улика. Рита держалась молодцом – лишь раз за день я заметила у неё следы слёз на лице, когда она выходила из туалета. А вот у Марины выдержка оказалась слабая. Рита дала ей отгул на три дня.

– Твоя мама меня сейчас в коридоре расцеловала, – гордо говорит Никита.

– Да, – Паша улыбается, но отводит глаза. – Спасибо большое, друг. Всю жизнь у тебя в долгу.

– Да брось, – отмахивается повар, но мне видно, как ему приятно. – Лады, Паш, мы пошли. Не болей.

Он поднимается, глядя на меня.

– Ты иди, я ещё минут пять посижу, – решаюсь. – Мне всё равно в другую сторону.

– А, ну окей, – Никита ухмыляется, и в его глазах появляется озорная искорка понимания, а у меня – недоброе предчувствие. – Бывайте!

– Спасибо, что зашёл, – машет ему Паша.

Дверь закрывается.

– Тебе надо было в полицейские идти, – говорю, не зная с чего начать.

– А тебе – в экстрасенсы, – парирует он.

Мы смотрим друг на друга. Атмосфера не такая романтическая, как ожидалось.

– Ты умеешь стрелять! – поднимаю брови. – Откуда?

– Отчим научил. А ты, – он, наоборот, хмурится. – Часто у тебя случаются «нехорошие предчувствия»?

– Три раза только бывало, – отвечаю честно.

– Чёрт с ним, – он откидывается на подушки и снова улыбается. – Испугалась?

– Ну, как сказать. Если честно, не совсем поняла, что вообще происходит.

– Точно, у тебя же более важное дело было – вспомнить, как та шапка называется.

– Балаклава. Теперь никогда не забуду.

Мы смеёмся. Потом я отвожу глаза и тихо признаюсь:

– Вообще-то, очень сильно испугалась. Как увидела, что этот... тебя за руку... а ты в крови весь...

Замолкаю, и снова смотрю на него.

– Прости, – говорит он без улыбки. – Это я виноват. Я-то сознание всего на пару секунд потерял, просто решил притвориться.

Он протягивает руку ко мне, к моим волосам – и мягко привлекает к себе. И мне не важно, что в палате ещё двое больных, и у каждого по двое посетителей; меня бы даже не волновало сейчас, если бы на нас смотрели Никита, Руслан и Жанна, вместе взятые...

Из больницы не выхожу, а вылетаю. Так легко мне не было давно – хочется бежать, петь, танцевать!

Повозившись с замком цепочки, отстёгиваю своего железного друга от парковочного столбика, и вскакиваю в седло – куда ловчее, чем прошлым утром. Отталкиваюсь педалями от земли...

Но велосипед трясётся. Я в замешательстве – может быть, в цепи что-нибудь попало? Или сломалось?

Тут вокруг слышатся взволнованные возгласы, и становится ясно: проблема не в велосипеде, трясётся земля. Торможу и спрыгиваю с велика, на всякий случай отходя подальше от здания больницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.